

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ БАРДОВСКАЯ И РОК-ПОЭЗИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕЁ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ*

В статье рассматриваются особенности русской песенной поэзии 1960–90-х годов. В частности уделяется внимание творчеству Анчарова, Башлачева, Высоцкого, Дольского, Клячкина, Макаревича, Талькова. Разность творческих индивидуальностей этих поэтов не исключает устойчивости в их песнях традиционно русских мотивов соборности, жертвенности, прощения, что является одной из важных причин их народной популярности – таково мнение автора.

Ключевые слова: авторская песня, бардовская поэзия, рок-поэзия.

Одной из важных национальных особенностей русского народа не случайно является его любовь к задушевному и протяжному, как бескрайние просторы России, песенному слову. По справедливому мнению Кожина, песня – «это именно «абсолютно необходимое» явление духовного бытия России, тот воздух, /.../ без которого оно, это бытие, невозможно...» [1]. С древних времен русская песня имела огромное значение как средство накопления и распространения нашей духовной культуры.

В конце 50-х – начале 60-х годов XX века в отечественной поэзии появилось новое направление, которое получило название «авторская песня» или «бардовская поэзия». Представителям этого направления в силу близости их творчества к народным песенным традициям удалось сохранить и по-своему интерпретировать многие важные аспекты русского национального сознания. «Русский дух», не получавший должного выражения в официальной поэзии тех лет, нашел выход в авторской песне. В отличие от «громкой», эстрадной поэзии Рождественского и Вознесенского, тихий и задушевный разговор под гитару Окуджавы и Визбора глубже проникал в сердца слушателей.

Популярность авторской песни была связана и с тем, что поэты, сочинявшие и исполнявшие свои песни под гитару, не нуждались в официальных публикациях и не зависели от цензуры, а потому могли свободно выражать свои взгляды. Независимость тех, кто заметно влиял на общественное сознание, была опасна для тоталитарной власти. В связи с этим публичные выступления поэтов-бардов часто запрещались.

К середине 60-х авторская песня перешла на «нелегальное» положение, но не утратила своей аудитории. Массовым проявлением интереса к запретному песенному слову явились так называемые КСП (клубы самодеятельной песни). Члены КСП устраивали тайные слеты, как правило, в лесной местности, где ночью у костров звучали песни Галича, Кима, Кукина, Митяева и многих других поющих поэтов. Романтика походных условий, атмосфера тайного братства и природной свободы – всё это придавало особое звучание голосам и гитарам. Недаром гимном самодеятельной авторской песни принято считать знаменитую песню Олега Митяева «Как здорово»:

* © Меньшиков Т.В.

*Изгиб гитары желтый ты обнимаешь нежно,
Струна осколком эха пронзит тугую высь,
Качнется купол неба, большой и звёздно-снежный...
Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!* [2].

Выражая дух «каэспешных» слетов, эти стихи передают один из ведущих мотивов русской классической культуры – дух соборности, чувство радости единения под куполом неба, неважно, где он расположен: в церковном храме или в храме природы. Звук гитарной струны, пронзая «тугую высь», устанавливает особую, пронзительную связь между душой человека и вселенной. Таким образом, выражается традиционный для русской поэзии мотив духовного родства со всем миром.

Отмеченное продолжение классических национальных традиций в песенной поэзии второй половины XX века имеет и свою отличительную особенность. Соборность в те времена была лишена собора. Местом соборного единения людей становилась либо поляна в лесу, как в стихах Митяева, либо последний троллейбус, как в знаменитой песне Окуджавы, либо братская могила, как у Высоцкого:

*Здесь нет ни одной персональной судьбы –
Все судьбы в единую слиты.
(«Братские могилы») [3].*

Примечательно, что в этих стихах, посвященных погибшим во время Великой Отечественной войны, объединяет людей не только уравнивающая всех смерть, но и общая национальная трагедия. Перед лицом угрозы уничтожения России весь народ встал на её защиту. Причём в священном праве умереть за Родину каждый имеет равные права независимо от своих прошлых грехов.

*За грехи наши нас простят,
Ведь у нас такой народ:
Если Родина в опасности –
Значит всем идти на фронт.
(«Все ушли на фронт»).*

В стихах Высоцкого, где речь идет об ушедших на фронт заключенных, наряду с мотивом соборности звучит и собственно русский мотив прощения, о котором Достоевский писал: «К числу таких скрытых в русском народе идей /.../ и принадлежит название /.../ преступников несчастными» [4]. У Высоцкого эта «чисто русская идея» имеет свой важный аспект. Из лагеря, в котором находились «преступники», на фронт ушли все: и заключенные, и их надзиратели. Общая беда не только делает людей равными перед лицом смерти, но и примиряет между собой жертвы и их палачей. Таким образом, идея соборности приобретает поистине всеобъемлющее значение.

Исключительность роли мировых катаклизмов в осознании необходимости соборного единения людей наиболее очевидной стала ближе к концу XX века вместе с угрозой уничтожения всей планеты.

*И когда над нами страшною бедою,
Общею бедою вспыхнут небеса,*

*Вот тогда мы станем дружною семьею
И одной страной хоть на полчаса.
(«Мистер «X») [5].*

Данные стихи принадлежат уже не «барду», а рок-поэту Игорю Талькову. Здесь уместно заметить, что от стиля музыки, которая сопровождает стихотворные тексты, в песенной поэзии не зависит качество исполняемых стихов. У Талькова в той же мере, как и у Высоцкого, звучит мотив взаимосвязи беды и соборности. Кроме того, по справедливому замечанию В.В. Лосева, «в последнее десятилетие, когда в центре творческого поиска многих талантливых рок-поэтов оказалась н а ц и о н а л ь н а я проблематика /.../ многие рок-поэты превратились в рок-бардов...» [6].

Обращая внимание на творчество И. Талькова, можно найти ещё один наглядный пример отражения в его стихах русской соборности:

*Этот мир несовершенный
Состоит из всех из нас.
Он прямое отраженье
Наших чувств и наших глаз.
(«Этот мир»).*

В данных строках выражена важная мысль: каким будет этот мир, зависит от воли всех нас.

*Этот мир не станет лучше,
И не станет он добрей,
Если сами мы добрей не станем.
(«Этот мир»).*

Интерпретируемые таким образом стихи Талькова имеют прямую связь с мыслями великих толкователей «русской идеи». Они напоминают, например, мысль Достоевского о том, что путь к усовершенствованию мира лежит через нравственное усовершенствование каждого, или мысль Толстого о том, что ход мировой истории зависит от совпадения воли миллионов людей. Эти параллели возникают не случайно. Проникнутый духом соборности, впитанной им от русской классической литературы, Тальков стремился в более популярной форме передать этот дух своим слушателям, интуитивно чувствуя важность сохранения культурных традиций нашего народа в один из сложных моментов его исторического развития.

Связи с русской традиционной духовностью в эпоху «оттепели» и последующую за ней эпоху «застоя» в песенной поэзии 60-х – 70-х годов были не столь очевидны, но, пожалуй, ещё более глубоки. Эти связи могли исходить не из литературного наследия, а из норм нравственной жизни простого русского народа, ибо народ всегда продолжал хранить свои заветные ценности от самых губительных идеологических влияний. Примером песенного выражения этих ценностей могут служить строки одного из основоположников «бардовского» творчества М. Анчарова. В очень популярной в своё время песне «Стою на полустаночке...» поэт выделил следующие неотъемлемые качества русской женщины:

*На злобу неотвечная,
На доброту приветная
Перед людьми и совестью права [7].*

Важной нравственной ценностью здесь является непогрешимость перед людьми, а жизнь в миру и с миром – главный показатель присутствия соборного духа.

Соборное сознание могло проявляться в песенной поэзии того времени и как антитеза официальной идеологии. Интересным примером здесь служат строки из стихотворения Е. Клячкина:

*И шутки грустны, и привычно нам
щадить других, себя не защищая.
Но две дорожки брошены к ногам:
«как все» – одна и «всё для всех» – другая.
(«Весенняя элегия») [8].*

С темой соборности здесь соседствует мотив жертвенности («щадить других, себя не защищая») и мотив распутья: «Но две дорожки брошены к ногам». Одна из «дорожек» представляет собой путь, предлагаемый социалистической действительностью: живи, «как все», то есть с одинаковыми обязанностями перед государством и одинаковой долей материальных благ, не выделяясь из толпы. Вторая «дорожка» – путь истинной соборности, в отличие от теории социализма, предполагающей свободное самоотречение во имя ближнего. Очевидно, именно второй путь выбрал для себя автор стихотворения. Этот выбор сделан с явной оглядкой на русскую классику. Формула «всё для всех», взятая Клячкиным в кавычки, напоминает «всё во всех» Соловьёва и «во всём пред всеми» Волошина. В этой формуле ощутима и переключка с есенинским: «Всё, что возьму, // Я всё отдам другим» [9]. Сама дилемма на дороге «тесную» и дороге «честную» известна в русской поэзии ещё с XIX века. В знаменитой поэме Некрасова одна из жизненных дорог, пролегающих перед Гришей Добросклоновым, переполнена теми, кто, как все, стремится к «жадным соблазнам», а другая – ведёт к «обиженным» и «униженным», то есть туда, где нужно отдавать «всё для всех». Перечисленные реминисценции не умаляют значимости стихов Е. Клячкина. Наоборот, их художественное достоинство состоит как раз в том, что поэт смог так многозначно совместить всего в нескольких строчках взгляды трёх разных эпох русской культуры.

Говоря о мотивах соборности в песенной поэзии XX века, можно условно поделить их на две разновидности: соборность, осознанно связанная с предшествующими литературными традициями (Клячкин) и соборность, идущая только от острого ощущения внутренней сопричастности русскому национальному духу. Здесь ярким примером будет являться творчество Высоцкого:

*Что могу я один? Ничего не могу!
(«Конец охоты на волков...»).*

У этой строки нет ничего общего с признанием Маяковского, что «единица – ноль». В данном «крике души» звучит природная («волчья») тоска по свободе, которую невозможно отстоять в одиночку. Соборность у Высоцкого – это не «стадо», а «стая», общество свободно мыслящих людей, добровольно

объединяющихся, чтобы спасти своё право на личность.

Пожалуй, ещё в большей степени «природно», то есть глубоко национально, чувство соборности у одного из самых русских по своему духу рок-поэтов – у Александра Башлачёва.

Когда мы вместе – нам не страшно умирать.

Когда мы врозь – мне страшно жить.

(«Когда мы вместе») [10].

Автор этих строк прожил всего 28 лет. Ощущение близости смерти делало молодого поэта не по годам мудрым и вызывало желание успеть сказать как можно больше. Очевидно, поэтому многие стихи Башлачёва так афористичны и философски насыщены. В приведённом отрывке из песни «Когда мы вместе» каждая строка необычайно значима. В первой заключена мысль о великой силе соборности перед лицом смерти, что является своеобразным выражением многовековой народной мудрости: «На миру и смерть красна». Вторая строка является плодом уже собственно авторского умозаключения, развивающего тему соборности на современном этапе. Начиная с середины XX века и по сей день проблема разобщённости людей продолжает оставаться острейшей общественной проблемой. Индивидуализм, так широко распространённый на Западе и пустивший свои корни по всему миру, привёл к разгулу насилия и нравственной деградации. Подчёркивая принципиальную разницу между «мы вместе» и «мы врозь», Башлачёв указал на путь спасения от «страха жить». Нас спасёт традиционно русское стремление к соборности. Это очень важное национальное качество воспевается во многих произведениях Башлачёва и каждый раз оно имеет новое звучание.

А ежели спеть – так это лучше сделать хором.

(«Прямая дорога»).

С ниточки по миру отдам, значит, сберегу.

(«Пляши в огне»).

В последней строке наиболее наглядно проявляется одна из знаменательных особенностей творчества поэта. Используя известную народную поговорку («С миру по нитке – голому рубаха»), Башлачёв мастерски переиначивает её (в данном случае почти, что называется, «выворачивает наизнанку») и придаёт ей новый и вместе с тем близкий к первоисточнику смысл. В народной поговорке человек собирает с миру по нитке, а у Башлачёва – отдаёт. Однако и в том и в другом случае мир, люди спасают человека. Следует также отметить, что помимо повторения первоначального смысла народной мудрости поэт значительно его расширяет. Отдавая своё добро миру, человек сберегает не только «ниточки», в значении «материальные блага», но и те «ниточки», которые укрепляют человеческие связи между людьми.

Важность соборного единения для каждого отдельного человека подчёркивается и в следующем стихотворении Башлачёва:

Всех на свете обними

И осилишь стужу.

(«Вишня»).

Здесь вновь, хотя уже без ссылки на народные поговорки, поэт выражает один из главных принципов русского национального сознания: отдавай тепло другим и сам согреешься. «Стужа» в данном случае имеет, безусловно, очень широкое значение. Это и холод физический, и холод душевный, и вообще всё злое и опасное, что встречается в жизни. Всё это можно осилить, только раскрыв свои объятия, даря свою любовь другим, разделяя с ними и горе и радость. Особый смысл несёт словосочетание «всех на свете». Русский человек в силу широты своей души расположен поделиться теплом своих объятий не только с ближними, но и со всем миром. В результате две короткие строчки так много говорят о русском духе.

Глубоким смыслом проникнуты и две другие строчки того же стихотворения:

*Всем даётся по душе,
Всем на белом свете.
(«Вишня»).*

С одной стороны, можно заметить, что здесь выражена мысль о духовном единстве «всего на белом свете». Мотив «всеединства», ставший наиболее философски осмысленным в творчестве В.С. Соловьёва, нашёл своё продолжение в поэзии Башлачёва как воплощение его собственного понимания русского национального духа. С другой стороны, строчка «Всем даётся по душе» означает, что каждому воздаётся по тому, какая у него душа. Сама по себе интересная мысль ещё более удивительна, если вспомнить, что эти строки были написаны человеком, который принадлежал к поколению, выросшему в эпоху, когда большинство русского народа уже забыло о своих христианских традициях. Башлачёв, которому в момент создания этих строк было всего 26 лет, не только знал Библейский завет о том, что каждому воздастся по делам его, но и сумел трактовать его в соответствии с приоритетом духовных ценностей своего народа: каждому – по душе его.

Песенная поэзия А. Башлачёва – яркий пример живучести русских духовных традиций, способных возрождаться в лучших представителях творческого потенциала народа.

Очередным примером сохранения соборного начала в поэзии Башлачёва могут быть следующие строки:

*А тех, кто знает, жалеть не надо.
А кровь – она ох, красна на миру!
Пожалейте сестру, как брата –
Я прошу вас, а то помру.
(«В чистом поле – дожди»).*

Смысловая насыщенность этих строк вновь заставляет прибегнуть к развёрнутому их толкованию. Первая строчка намекает на жертву Иисуса Христа во имя спасения рода человеческого. Он знал, на что идёт, и знал больше других, ибо Он был сыном Божиим, посланным Его на муки. Знание великой истины придаёт человеку уверенность в ненапрасности своего крестного пути. Именно поэтому «тех, кто знает, жалеть не надо». Вторая строчка представляет собой творческую интерпретацию всё той же народной поговорки: «На миру

и смерть красна». Вместо слова «смерть» здесь поставлено слово «кровь», что символизирует подвиг самопожертвования, который в миру, в народе издавна считается святым. Третья строчка выражает приоритет «божеской любви», любви-сострадания перед любовью плотской, любовью-страстью: «Пожалейте сестру, как брата». И, наконец, четвёртая строка передаёт личное ощущение поэта острой необходимости соборности, страдания и сострадания, без которых невозможна жизнь: «Я прошу вас, а то помру». Мольба и угроза, звучащие в этой строке, абсолютно искренни. Не найдя в современном ему обществе жизненно важных для себя нравственных ценностей, Башлачёв покончил с собой.

Менее трагическим, но не менее значимым было желание соборности у некоторых других известных авторов песен того времени. Например, у А. Макаревича:

*И хочу я, чтоб на время забыли мы
Деловые, полезные навыки,
Наши руки освободили мы,
Чтоб попробовать взяться за руки.*
(«Возникает из недопетости...») [11].

В современном мире людей всё чаще разделяют именно «деловые навыки». Лужинская теория «целого кафтана», согласно которой процветание общества возможно посредством заботы каждого о своём личном благополучии, владеет сегодня многими умами. Русская классическая литература неоднократно противопоставляла бездушным дельцам (Чичикову, Лужину, Штольцу) великие духовные ценности русского народа. «Деловые навыки», которые превращают людей в циничных и жестоких эгоистов, не могут способствовать соборному единению людей, поэтому они глубоко чужды русскому национальному духу. Для сохранения этого духа нужно освободить свои руки от навыка «грести под себя» и протянуть эти свободные руки другим, чтобы соединиться всем миром в одном дружном хороводе. Данная мысль Макаревича отвечает лучшим традициям нашей духовной культуры.

Очень созвучно соборному духу и желание излить свою душу другому, пусть даже мало знакомому человеку. Это чувство передают, например, стихи О. Митяева:

*Давай с тобой поговорим,
Прости, не знаю, как зовут.
Но открывается другим
Всё то, что близким берегут.*
(«Давай с тобой поговорим»).

Открывая свой внутренний мир другим, человек делает их близкими и, таким образом, соединяется с ними в единое целое, что очень важно именно для русского национального сознания.

Одним из немаловажных проявлений соборности в стихах Митяева звучит не только желание излить другому свою душу, но и, наоборот, принять в себя чужую боль, разделить чужое страдание.

*Я приду к тебе один и с утра.
Ты расскажешь мне всю жизнь, каждый день.*

*Всё подряд, от самых горьких утрат
И до самых пустяковых потерь.
(«Я приду к тебе»).*

Забирая у близкого человека боль «горьких утрат», поэт тем самым стремится отдать ему тепло своей любви. Способность принимать на себя самое плохое, а отдавать всё самое хорошее – прекраснейшее качество русской души.

Чувство соборности, нашедшее разнообразные проявления в творчестве перечисленных выше авторов и исполнителей своих песен, зависело не только от индивидуальных личностных качеств каждого отдельного поэта, оно явно прогрессировало по мере возвращения русской культуры к своим многовековым православным традициям. Этот важный поворот в нашем общественном сознании в начале 90-х был очень точно подмечен Александром Дольским:

*Но кончилось время Хама.
Время Храма пришло.
(«Кончилось время рока») [12].*

«Время Хама» – это время кощунственно неуважительного отношения к традициям своих предков (напомним, что Хам – сын Ноя, осмеявший своего отца и проклятый за это Богом). Хамство – синоним грубости, наглости, непочтительности. Времена хамского атеизма породили в России духовную разобщённость между людьми, поскольку наряду с другими православными принципами отрицали соборность. Антитезой «времени Хама» не случайно является «время Храма», время собора. Несмотря на годы гражданской войны, когда брат убивал брата, несмотря на годы сталинского террора, когда сын мог предать своего отца, несмотря на лицемерие союза братских народов в эпоху «застоя», русскому народу удалось сохранить своё исконное стремление к соборности. И не последнюю роль здесь сыграла именно песенная поэзия.

История отечественной поэзии XX века в очередной раз доказала, что народ, если он ещё продолжает оставаться народом, не забывает именно тех представителей своей культуры, которые бережно хранят его вековые традиции. «Русский дух» не исчезнет до тех пор, пока будет звучать хоть одна настоящая русская песня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кожин В.В. О русском национальном сознании. – М., 2002. – С. 22.
2. Митяев О. Светлое прошлое. – М., 2003. – С. 13.
3. Высоцкий В. Стихотворения. – М., 2005. – С. 69.
4. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. – Л., 1980. – Т. 18. – С. 37.
5. Тальков И. Монолог. – М., 2002. – С. 101.
6. Лосев В.В. Рок-поэзия // Очерки русской литературы XX века. – М., 1995. – С. 208.
7. Анчаров М. Стихи и песни. – М., 1999. – С. 99.
8. Клячкин Е. Осенний романс. – М., 2003. – С. 49.
9. Строки из пьесы С.А. Есенина «Страна негодяев».
10. Башлачев А. Стихи, фонография, библиография. – Тверь, 2001. – С. 166.
11. Макаревич А. Место где свет. – М., 2005. – С. 256.
12. Дольский А. Сочинения. – М., 2001. – С. 68.

T. Menshikov

RUSSIAN BARD AND ROCK POETRY FROM THE POINT OF VIEW OF ITS NATIONAL PECULIARITIES

The article considers the peculiarities of Russian song poetry of the 1960s – 1990s. The creative work of Ancharov, Bashlachyov, Vysozky, Dolsky, Klyachkin, Makarevich, Talkov is specifically reviewed. Being different in their creative individualities, these poets demonstrate the devotion to traditionally Russian motives of spiritual unity, readiness to sacrifice, forgiveness and that is one of the reasons of their people's popularity – that's the author's opinion.

Key words: author's song, bard poetry, rock poetry.